

Романтика похоти. Т. 3 гл. 3 ч. 4 — снова миссис Дейл. 1

Когда мы прибываем домой, миссис Дейл говорит нам:

— Что-то, Эллен, вы выглядите утомленной. Советую вам отправиться в постель и с часочек вздремнуть. Устройте себе сиесту. А вы, мои мальчики, должны сделать то же самое, ибо у меня есть некоторые частные дела, коим мне следует уделить внимание.

Мне и Гарри понятно, что сие значит, и мы тут же удаляемся, направляясь каждый в свою комнату. Прежде чем разделиться, он потихоньку спрашивает меня:

— Ты будешь ждать её, Чарли? Она придёт?

— Непременно.

— Что ж, посмотрю.

— Ты лучше максимально используй эту возможность со своей кухней.

— Понаблюдаю за вами, а потом и к ней.

Я быстро раздеваюсь, и когда миссис Дейл приходит, то обнаруживаю, что на ней нет корсета и нательного белья, так что, расправившись со своим платьем и уронив свою сумку, предстаёт передо мной совсем голой во всей славе своей очаровательной фигуры. Я лечу, чтобы самым любовным образом обнять её. Наши руки блуждают и чрез мгновение мы напоминаем животных в период течки, разъярённых и спорых. Я колошмачу, превосходно поддерживаемый дорогой мамой, и мы быстро и одновременно совершаем самое восхитительное возлияние на алтаре Венеры, а затем замираем во всём этом ощущении только что полученного наслаждения. И почти четверть часа лежим, проникнутые восхитительным сознанием удовлетворенного желания.

Миссис Дейл, входя в себя, нежнейшим образом целует меня и объявляет:

— Я никогда не верила, что такое возможно, что можно заполучить такой совершенный предмет восхищения! Но помимо этого, мой дорогой Чарльз, я никогда и не думала, что у какого-либо мужчины, уж не говоря о мальчике вроде тебя, мог быть такой внушительный висяк. Ах, а какая это радость — воображать себя первой, кто научил тебя реальным радостям соития и отведал сладости этого славного — преславного оружия. Мой дорогой Чарли, мне нужно рассмотреть этого красавца! Причём хорошенько, при полном свете. Вынь-ка дорогого товарища и перевернись на спину.

Я повинуюсь. Она приподнимается и поворачивается так, что её пенящееся влагалище опускается прямо на мой рот. Я высасываю всю восхитительную пену, медленно сочащуюся из апертуры. Потом, схватив в рот её свисающий и похожий на петуха маленького мальчика клитор, скоро своим сосанием придаю ему предельную упругость, а двумя пальцами тру её здорово вздувшееся влагалище, в то время как она, со своей стороны, не остаётся праздною, сначала играя пальцами с моим дреколом, закрывая и раскрывая его головку, что вскоре заставляет его встать во всей его славе. Она щедра на громкие похвалы. Но будучи слишком возбужденной, чтобы только просто восхищаться, берёт его себе в рот и сосёт, продолжая манипулировать им одной рукой, а мошонкой — другой. Затем я обнаруживаю, что её пальцы щупают и тискают мою задницу. На минуту она их убирает и вынимает изо рта моего петуха, после чего касается пальцем моего заднепроходного отверстия и совершает им осторожное проникновение туда. Значит, только что произошедшая пауза понадобилась ей, чтобы

слюной увлажнить свой палец. То-то тот так легко скользит теперь!

Что ж, я рад обнаружить, что она принялась за это, но, делая вид, что не соображаю, в чём дело, приостанавливаю свои труды, чтобы спросить её:

— Что вы там делаете? Это так здорово!

— Это — мой палец, дорогой Чарльз. Мой покойный муж был всегда рад, когда я ему это делала, и имел обыкновение, к моему великому удовольствию, делать то же самое и мне.

— Можно и я сделаю вам так же, дорогая мама?

— Что ж, мой дорогой мальчик, пожалуйста! Только сначала увлажни свой указательный палец, а затем сунь мне его в дырочку сзади, как это ты уже делал мне спереди.

— А если я один туда, а другой сюда? Ведь они рядышком, так близко друг от друга.

— Ты — очарователен, дорогой! Сделай так, и это удвоит моё удовольствие.

Такт я и погоняю её, словно фореитор, к её и моему чрезвычайному удовольствию. Вскоре мы с предельным восхищением истекаем, а затем глотаем все, что могли получить, продолжая наши засосы, пока наши страсти снова не возбуждаются.

Она немного выгибается, и я обхватываю руками её прекрасную задницу и приклеиваю свои губы к ее забою и просовываю туда свой язык.

— О, Чарльз, дорогой, что ты делаешь? Ах! как восхитительно!

И её зад самым чувственным и похотливым способом извивается под моим ртом. Теперь я объявляю:

— Можно я опять займусь с коленопреклонённой позиции? Ведь вы такое изысканное наслаждение уже доставляли мне раньше!

— О, поднимись, любовь моя, и выеби меня!

— Что значит «выеби»?

— О, боже, какие непристойности вылетают из меня! Это ты такой ужасно распутной меня сделал. Пожалуйста, никогда не произноси этого слова вслух.

— Так что оно значит?

— То, что ты сейчас собираешься сделать. То, что снимает чопорность с твоей закорючки... Я становлюсь сзади неё на колени и вхожу в неё с такой дикой свирепостью, что она вскрикивает от радости:

— Ах! Ничего себе, приборчик в меня вогнал!... А клитор, клитор?

Я наклоняюсь и тру ей клитор, чтобы не только выполнить её пожелание, но и предаться восхищённому слежению за движениями её великолепной задницы.

В избытке похотливости она выкрикивает:

— Ах! мой дорогой мальчик! Мой муженёк тоже имел обыкновение делать так, и это доставляло мне много удовольствия. Но всё же не настолько огромное, как делаешь ты, ибо твой хуй вдвое больше, чем был у него, и наполняет меня таким избытком наслаждения, к которому я никогда не приближалась с ним.

— А что значит слово «хуй»?

— Опять я ударилась в непристойности. Так мой муж иногда называл свой приборчик. Ты его тоже, пожалуйста, всуе не произноси.

Схваченный и удерживаемый её половыми губами, я, вцепившись в её роскошный зад, с таким невыразимым восхищением толкаю туда и сюда свой упругий и пылающий хуй, что она щедро изливается и отключается, а мой дрекол тонет в горячем потоке. Но уже дважды кончивший в неё, а незадолго до этого уже ебавшийся с Эллен, я некоторое время остаюсь

спокойным в изящном влагалище миссис Дейл, безумно пульсирующим вокруг него к бесконечному его удовольствию.

Наклонившись, я нащупываю своими пальцами один из её сосков и продолжая играть с её клитором и ласкать его, так что тот приходит в возбуждение и опять становится твёрдым. Оставаясь сам невозмутимым, я своим трением и пульсацией своего дрекола вскоре привожу её в самое дикое состояние, чему способствуют случающиеся время от времени медленные, но продолжительные, затянувшиеся движения взад и вперёд её зада, причём так, что когда в ней остаются последние три дюйма, она, прежде чем снова энергично толкнуться вперёд, удерживает его там, конвульсивно сдавливая. И так продолжается, пока она чуть ли не впадает в исступление от вожделения и не кричит:

— Ну что же ты?словно мёртвый... Сильнее!

Я не спешу подчиниться, а продолжаю свои захватывающие труды. Но вот она в безумии своей похоти вцепляется зубами в подушку, а я сам в муке восхищения отбрасываю назад свою голову и реву как осёл, как это было со мною однажды с роскошной мисс Френкленд. И чувствую, что три точки как бы обозначают вход в её матку, закрытый и покусывающий верхушку моего дрекола точно также восхитительно, как это делала недавно в лесу милашка Эллен. Поскольку я прихожу в себя и заговариваю с дорогой мамой, то нахожу, что она также потеряла сознание и весьма нечувствительна ко всему кроме конвульсивных внутренних движений своего восхитительного влагалища.

Я выхожу и осторожно укладываю её на бок, приношу бокал с водой, губку и полотенце, раскрываю её роскошные бёдра, промываю губкой влагалище, вытираю его от следов потока спермы, только что вылитого в него. Затем опрыскиваю ей лицо, и она с глубоким вздохом приходит в себя. И первые произнесённые ею слова были такими:

— Да благословит тебя Господь за тот восторг, в который ты вверг меня! Да ещё какой восторг! Скажешь кому, кто поверит?

И вдруг рыдания сотрясают её, и она впадает в истерику. Вот странно, — думаю я, — значит, я оказал то же самое воздействие на её органы, что и у милашки Эллен, совсем не приученные и не развитые. Я успокаиваю её всяческими ребяческими способами и спрашиваю:

— Как так получилось? Почему ранее вы не испытывали ничего подобного со мной?

— Ах! мой милый мальчик, — говорит она с глубоким вздохом, — ты, кажется, проник мне в самую матку и возбудил меня так, что я вся вне себя. И не помню, чтобы со мной когда-нибудь и что-нибудь подобное было ранее. Ощущения такие необычные, что боюсь, как бы ты не сделал мне ребёнка.

— Моя любимая мама, значит у меня возможно будет ребёнок?

— Пожалуй, и будет! — откликается она. — С таким-то монстром, с таким большим петухом, что так возбуждает нас, бедных женщин.

Я нежнейшим образом обнимаю её и говорю:

— Вы не представляете, как же я счастлив только при мысли, что буду отцом вашего ребёнка!

— Увы! мой дорогой мальчик! Для тебя это может и радость. Но чем кроме горя это станет для меня, если такое случится? Ты только подумай: ведь я потеряю положение в свете, если об этом станет известно. И даже если, уехав за границу, я смогла бы скрыть свой позор от общественности, всё же к каким хитростям и выдумкам мне надо будет прибегнуть, чтобы обеспечить тайну! Но не бери в голову, мой любимый, я бы дважды подвергла себя подобному риску, только чтобы насладиться твоей особой и сохранить твою привязанность.

Ты должен лелеять и любить меня, мой Чарли, ибо я рискую добрым именем и репутацией ради тебя. Но теперь я должна уйти, а то как бы нас не хватились. Попробуй немного поспать, мой дорогой мальчик, ибо, уверена, ты в этом нуждаешься после своих усилий. И помни, тебе следует подкрепить свои силы, — они понадобятся этой ночью.

Она любовно целует меня, поднимается, одевается и оставляет отдыхать.

Но я не могу удержаться от размышлений насчёт того, что она говорила о боязни того, что обморок, случившийся во время этой своеобразной ебли, служит предзнаменованием оплодотворения. Если это так, думаю я, то и милашка Эллен может оказаться в точно таком же затруднительном положении, а значит и неё получится схожий результат.

Могу здесь отметить, забегая вперёд, что опасения миссис Дейл со временем стали подтверждаться несомненными фактами. То же самое можно сказать и об Эллен. В конечном счете они обе вместе уехали из страны, когда оставаться здесь дальше стало опасно. И достаточно любопытно, в один и тот же день родили дочерей. А я был счастлив считать себя отцом их обеих. Хотя Гарри и считал ребёнка Эллен своей заслугой, но сама она всегда убеждала меня, что понесла именно во время восхитительной ебли в лесу. Да и у меня в этом не было никакого сомнения: ребёнок рос очень похожим на меня. Дочь миссис Дейл выросла в великолепно развитую женщину. У неё был даже больший клитор, чем у мисс Фрэнклэнд, и она им лишила девственности кузена своей сестры. Я могу также по случаю заметить, что я лишил их обеих девственности. И я и Гарри часто ебли их вместе разными способами; а моя дорогая дочь с её длинным и большим клитором часто ебала мой зад, в то время как я делал то же самое с её сестрой, а Гарри ебался под нею.

Но всё это происходило гораздо позже, и не имеет никакого отношения к тому периоду моей жизни, о котором я рассказываю сейчас. И всё же, возможно, у меня когда-нибудь возникнет желание более детально поведать о своей жизни в среднем возрасте и о более поздних событиях.

Дорогой читатель, простите мне это отклонение. Продолжим же.

Я целый час крепко сплю, затем поднимаюсь, и отправляюсь прогуляться по саду с Гарри, который повествует мне, как он использовал в своих интересах занятость мамы, чтобы прокрасться в комнату Эллен:

— Она сильно боялась, как бы ей снова там внутри не испачкаться, чтобы позволить мне снова всунуть. Но едва я начал атаку, как она нашла, что ей не только не больно, а, наоборот, стала необычно похотливой, так что у нас было две шикарных ебли. Потом мы прокрались к твоей двери, чтобы украдкой взглянуть, какие у тебя успехи. И опять столь возбудились, что когда ты ёбал мою маму сзади, стоя на коленях, я тоже пристроился к ней сзади, в то время как она наклонилась и подглядывала, что там у вас. «Это будет наша последняя на сегодня», — решили мы. А когда завершили дело, то разделились, так что мама нашла Эллен крепко спящей.

И продолжает:

— Но, ей-богу, Чарли, как я тебе завидовал! Моя мать действительно роскошно ебётся. И как сочно это делает! Как великолепно подмахивает своей задницей! Я ни за что не успокоюсь, пока сам не войду в неё. Но твоя ебля возбудила не только меня. Уверен, такого мощного дрекола, как у тебя, достаточно, чтобы вызвать страсть у любой. Он поражает. И, думаю, именно взерание на него сделало Эллен более похотливой, хотя она и уверена, что никогда не смогла бы принять такого монстра. Кстати, а каково ваше мнение на этот счёт?

Я покачиваю головой, размышляя над тем, как легко даже самая юная из прелестного пола обманывает нас.

— Чему ты улыбаешься? — интересуется он.

Но я молчу, озабоченный тем, чтобы не позволить ему знать мое мнение.

Мы возвращаемся к обеду, а потом проводим приятный вечер в предвкушении наслаждений, ожидающих нас ночью.